

ЗАПАДНАЯ САХАРА КАК ОСНОВА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МАРОККО

Тимур КАДЫРМАМБЕТОВ
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению роли фактора идентичности в формировании внешней политики Королевства Марокко. Изучены основные теоретические подходы к изучению идентичности, которые затем были использованы для анализа внешнеполитической стратегии Марокко. В результате удалось выделить три ключевых «пространства» внешнеполитической деятельности государства: пространство непосредственной близости, включающее страны Магриба; пространство «культурной принадлежности», охватывающее арабо-мусульманский мир, страны Африки (прежде всего, Сахаро-Сахельской зоны) и некоторые европейские страны; мировое пространство. Историческое развитие территориального устройства Королевства способствовало формированию у общества и политических элит Марокко особо острого восприятия вопросов суверенитета и национальной целостности. Это в свою очередь привело к тому, что ближайший сосед Марокко – Алжир – стал восприниматься марокканскими властями как один из ключевых внешнеполитических вызовов. В силу географического положения Марокко и исторических обстоятельств формирования государства, правящая элита государства на протяжении долгого времени проводит прагматичную внешнюю политику, балансируя между различными международными игроками и адаптируясь к меняющимся условиям. Вместе с тем этот прагматизм отходит на второй план, когда речь заходит о Западной Сахаре. Обозначенная территория, статус которой остается неопределенным, играет центральную роль в процессе формирования марокканской национальной идентичности. Она служит инструментом укрепления легитимности власти и консолидации общества. Именно по этой причине в последние годы Марокко значительно активизировало свою внешнеполитическую деятельность на данном направлении, что позволило добиться серьезных успехов в международном признании своего суверенитета над территорией Западной Сахары.

Ключевые слова: внешнеполитическая идентичность, самоидентификация, нациестроительство, суверенитет, Марокко, Алжир, Западная Сахара, Зеленый марш

Тимур Мажитович Кадырмамбетов – аспирант, младший научный сотрудник Центра ситуационного анализа, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.
ORCID: 0000-0002-3912-599X. E-mail: kadyrtm@imemo.ru
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Поступила в редакцию: 14.02.2025

Принята к публикации: 18.06.2025

Благодарность: Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития №075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

В последние несколько лет Королевство Марокко стало проводить более активную внешнюю политику как в регионе Магриба, так и за его пределами. Отправной точкой изменений можно назвать 2017 г., когда Марокко вернулось в состав Африканского союза в качестве члена организации. С этого момента королевская власть смогла добиться серьезных успехов по признанию своего суверенитета над Западной Сахарой. В этой связи представляется интересным и актуальным выявить, на чем основано самопозиционирование Королевства Марокко, а также определить, как формируется и / или конструируется его идентичность и какое влияние она оказывает на внешнеполитическую деятельность государства.

Понятие «идентичность» возникло в психологии. И.С. Семененко, поясняя, почему оно возникло именно в этой науке, пишет, что была «потребность в объяснении мотивации поведения человека в социальной среде, возникшей в контексте развития психоанализа» (Семененко, 2017: 19). Постепенно понятие идентичности стало использоваться и в других областях знания, в том числе в политологии.

Понятию идентичности посвящено большое количество работ как отечественных (Семененко, 2017; Семененко, 2023), так и зарубежных (Anderson, 1991; Gellner, 1987; Wendt, 1992) исследователей. А. Вендт утверждает, что идентичности (которые могут быть множественны, как и роли любого человека) являются основой политических интересов (Wendt, 1992: 398). Верно определив идентичность государства, экспертам и ученым будет проще анализировать его политические действия. И.Л. Прохоренко утверждает, что идентичность формируют «идеи и представления, порой мифологизированные, [...] о сложившемся и / или желаемом миропорядке, о месте, роли и статусе государства в мире, о его реальных и потенциальных союзниках, соперниках и врагах, о вызовах, угрозах, опасностях и рисках внешней безопасности» (Прохоренко, 2024: 14). Коллектив авторов из ИМЭМО РАН отмечает, что внешнеполитические стратегии государства предполагают использование идентичности в качестве политического инструмента (Звягельская и др., 2020: 57). Марокканский эксперт Н. Мессари в своей статье приводит точку зрения американского международника Д. Кэмпбелла, который определяет внешнюю политику как инструмент конструирования национальной идентичности (Messari, 2007: 52). Несмотря на разнообразие точек зрения, можно утверждать, что внешняя политика и внешнеполитическая идентичность государства оказывают друг на друга взаимное влияние.

Работы ряда исследователей посвящены теоретическим и эмпирическим вопросам, связанным с изучением идентичности непосредственно государств Востока. Существенное внимание уделено изучению идентичности государств Ближнего Востока и Северной Африки (Кузнецов, 2019; Звягельская, 2024; Белокрыцкий, Мамедова & Ульянов, 2019; Hinnebusch, 2019; Telhami & Barnett, 2002; Lee, 2018). В работах по тематике отмечены такие аспекты, выстраивание внешнеполитической идентичности арабских государств – этнической, религиозной (основанной на исламе) и прочих.

С тем чтобы получить комплексное представление о внешнеполитической идентичности Королевства Марокко, необходимо обратиться к его истории. Внутренние факторы играют немаловажную роль в конструировании элиты внешнеполитической идентичности государства (Прохоренко, 2017: 466). В настоящей статье эти вопросы будут рассмотрены в приложении к проблеме Западной Сахары, которая имеет непосредственное отношение к процессам нациестроительства в Марокко и занимает особое место в системе национальных внешнеполитических приоритетов.

Поскольку настоящее исследование включает изучение идентичности, в качестве теоретической рамки был избран конструктивизм, который позволяет рассмотреть внешнеполитическую идентичность как динамическую конструкцию, формирующуюся под влиянием внутренних и внешних факторов. В работе используется междисциплинарный подход, сочетающий элементы как исторического, так и политологического анализа. Среди методов исследования можно выделить кейс-стади, поскольку рассматривается внешнеполитическая идентичность Марокко на примере Западной Сахары и конфликта вокруг нее; а также историко-описательный метод. Новизна исследования состоит в том, что территория Западной Сахары рассматривается с нетипичного ракурса: подчеркивается ключевая роль, которую она играет в формировании внешнеполитической идентичности Марокко. Кроме того, в статье предпринимается попытка переосмысления формата геостратегических пространств во внешней политике Марокко.

Историко-географические особенности

Королевство Марокко – это государство с довольно стабильными политическими институтами. Наиболее ярким проявлением стабильности является сохранение монархического строя на протяжении веков. Монарх – глава государства и обладает широкими полномочиями, хотя по конституции Марокко – парламентская монархия¹. Власть монарха сакральна. Согласно принятой в марокканской историографии традиции, основоположником государственности является Идрис I² – выходец с Аравийского полуострова, который создал мусульманское марокканское государство в VIII в., став родоначальником первой правящей династии – династии Идрисидов³. Известный арабский мыслитель из Магриба Ибн Халдун сравнивал империю с живым организмом и считал, что жизненный цикл равняется примерно 120 годам, или жизненному циклу трех поколений, а во «время существования» четвертого поколения империя приходит в упадок (Ibn Khaldun, 1980: 343). Часто династии

¹ *Al-mamlakat al-maghribiya al-barlaman* (n.d.) Dustur al-mamlyakat al-magribiya li sana 2011. al-Fasl 1 (Constitution of the Kingdom of Morocco 2011. Article 1). Available at: <https://www.parlement.ma/الباب-الأول-أحكام-عامة> (accessed 10 April 2024).

² Полное имя – Идрис ибн Абдуллах. Он был праправнуком пророка Мухаммада.

³ *The Internet Archive* (n.d.) Al-Imam Idris mu'assas al-Dawla al-maghribiya (Imam Idriss – the founder of the Moroccan state). Available at: <https://archive.org/details/alimam-idriss/page/n11/mode/2up> (accessed 10 April 2024).

существовали немногим больше того срока, о котором говорил Ибн Халдун, но каждое новое государство на территории современного Марокко проходило описанный им «жизненный цикл»: Фатимиды, Омейяды, Альморавиды, Альмохады, Мериниды и др. Тем не менее династия Алауитов, к которой принадлежит нынешний король Марокко Мухаммад VI, смогла избежать упадка и с XVII в. осуществляет власть на данной территории.

Марокко в отличие от большинства арабских стран не входило в состав Османской империи, однако попало под протекторат двух европейских государств – Франции и Испании (1912–1956»). Еще с XVI в., до установления протектората, данная территория представляла особый интерес для испанцев и португальцев. Довольно продолжительное существование в зависимом государстве, а также колониальная политика французской администрации способствовали формированию у марокканцев обостренного чувства национализма и угрозы потери собственного суверенитета.

В 1912 г. между Францией и Марокко был подписан Фесский договор, согласно которому над североафриканской страной устанавливался протекторат. Хотя власть оставалась в руках султана, Франция фактически устанавливала в Марокко свой политический контроль. Прежде всего учреждалась должность генерального резидента Франции, который осуществлял власть Франции в Марокко, а также утверждал и публиковал все декреты, подписанные султаном, от лица французского правительства⁴. Кроме того, султан не имел права заключать какие-либо международные соглашения без предварительного одобрения Франции⁵.

В течение 20 лет с момента подписания Фесского соглашения Франция смогла завоевать большую часть территории Марокко: равнинные земли и крупные города, Средний Атлас и районы горного Рифа. На севере страны был установлен испанский протекторат. Марокко было поделено на две части и фактически полностью утратило суверенитет.

До 1927 г. марокканские султаны не стремились выйти из-под контроля протектората. Мухаммед V стал султаном Марокко в 1927 г. в возрасте 18 лет. Франция рассматривала его в качестве правителя, на которого можно оказывать влияние и которым можно манипулировать (Сергеев, 2001: 72). В действительности же он стал символом антиколониальной борьбы Марокко, что лишь усилило позиции королевской династии в стране. Поддержку султану оказывали националисты и патриотическая интеллигенция, которые активно выступали против власти французской администрации. Среди них был Аллаль аль-Фасси – основоположник националистической политической партии Национальная партия для осуществления требований

⁴ *Digitthèque de matériaux juridiques et politiques* (n.d.) Traité pour l'organisation du protectorat français dans l'empire chérifien. Available at: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/ma1912.htm> (accessed 14 April 2024).

⁵ *Digitthèque de matériaux juridiques et politiques* (n.d.) Traité pour l'organisation du protectorat français dans l'empire chérifien. Available at: <https://mjp.univ-perp.fr/constit/ma1912.htm> (accessed 14 April 2024).

(НПОТ, на французском языке *Parti National pour la Réalisation des Réformes Marocaines*), которая впоследствии, как принято считать, была преобразована в партию «Истикляль» (Независимость)⁶. Последняя и по сей день активно участвует в политической жизни Королевства. Значимость интеллигенции в подъеме национализма в колониальных странах подчеркивает и Б. Андерсон в книге *«Воображаемые сообщества»*. Он отмечает, что интеллигенция обладала более высокой грамотностью и «двуязычием», что позволяло ей изучать канонические модели национализма и национального государства, возникшие и сформированные в западной культуре (Anderson, 1991).

Наряду с историческими особенностями, географическое положение государства представляет собой один из важнейших элементов, определяющих его внешнюю политику. Марокко находится на стыке различных географических регионов и культур. На официальном уровне правящая элита Марокко подчеркивает наличие в стране множества различных культурных идентичностей. Так, в преамбуле конституции Королевства от 2011 г. написано, что национальное единство сформировано путем «взаимопроникновения арабо-исламских, амазигских (берберских), сахаро-сахельских элементов, обогащается и подпитывается элементами африканской, андалусской, еврейской и средиземноморской культур» (Хабриева, 2018: 179). Кроме того, в Основном законе указано, что Марокко является составной частью Большого Магриба⁷. Марокко – не только африканская, но и арабо-мусульманская страна: она принадлежит арабскому миру, а ее государственная религия – ислам. Необходимо учитывать и тесные исторические связи с европейскими государствами южного Средиземноморья – прежде всего Францией и Испанией – и их культурное влияние. При этом борьба за полную политическую независимость от Франции и Испании и за территориальную целостность сплотила марокканское общество и привела к популярности националистических идей.

Когда анализируется такое понятие как идентичность, основное внимание уделяется тому, чтобы определить, чем одно сообщество отличается от другого, какие характеристики делают его самобытным. В преамбуле конституции Алжира, как и в конституции Марокко, отмечено, что он является «неотъемлемой частью Великого арабского Магриба»⁸, арабским, амазигским (берберским), средиземноморским и африканским государством»⁹. Налицо сходство двух соседних государств. В этой связи возникает закономерный вопрос: что делает Марокко уникальным, что позволяет говорить о сформированной идентичности этого государства?

⁶ TAFRA (n.d.) PNRRM – Parti National pour la Réalisation des Réformes Marocaines. Available at: <http://old.taframa/pnrrm/> (accessed 15 May 2025).

⁷ Под этим словосочетанием также подразумевается субрегион Магриб.

⁸ То же самое.

⁹ *Al-mawqī al-rasmi lil'amanat al-'amma lilhukuma* (n.d.) *Dustur al-jumhuriya al-jazairiya ad-dimokratyya al-sha'abiya li sanati 2020. ad-dibaja* (Constitution of the People's Democratic Republic of Algeria of 2020. Preamble). Available at: <https://www.joradp.dz/TRV/AConsti.pdf> (accessed 22 April 2024).

Западная Сахара в системе внешнеполитических приоритетов

Проблема Западной Сахары имеет первостепенное значение в целом для Марокко и в особенности для королевской семьи. Продолжительное время Западная Сахара являлась колонией Испании и существовала в рамках Испанской Западной Сахары. В Марокко данная территория официально считается частью Шерифской империи Алауитов. Правящие элиты Королевства апеллируют к исторической принадлежности этих земель марокканскому государству и отсутствию так называемой сахарской идентичности: жители Западной Сахары (сахарви) этнически не отличаются от граждан Марокко и являются южными марокканцами, а сам конфликт, с точки зрения властей, «искусственный»¹⁰. За многолетнюю историю противостояния Марокко неоднократно пыталось вернуть территорию под свой контроль как военными методами (Война Ифни в 1957 г.), так и с помощью «мягкой силы» (Зеленый марш в 1975 г., который отмечается каждый год).

В.В. Наумкин в коллективной монографии «Ближний Восток: политика и идентичность» дает характеристику комплексу «миф – символ» в рамках теории символического выбора (Наумкин, 2020: 21). Зеленый марш, который состоялся 6 ноября 1975 г., можно по праву считать тем самым «символом», который выполняет определенные цивилизационно-идентифицирующие функции. Около 350 тыс. безоружных марокканцев перешли южную границу и вошли в Западную Сахару¹¹, тем самым обозначив суверенитет Марокко над данной территорией. В результате этого события 14 ноября 1975 г. был подписан Мадридский пакт, согласно которому Испания обязывалась вывести свой военный контингент из Западной Сахары к 1976 г.¹²

Можно выделить несколько важных направлений и / или составляющих при анализе внешней политики Королевства Марокко. Согласно отчету Королевского института стратегических исследований (*IRES*), внешнюю политику Марокко можно поделить на три геостратегических пространства¹³:

1. Пространство непосредственной близости и / или ближайшего соседства. В эту область входят Испания, Алжир и Мавритания;
2. Пространство «культурной принадлежности»: арабо-мусульманский мир, Африка и Средиземноморье;
3. Мировое пространство, необходимость обозначения которого связана с процессами глобализации: Северная Америка, Южная Америка, Азия и Океания.

¹⁰ *Royal Institute for Strategic Studies* (2023) The White Book on Moroccan Sahara. Available at: <https://www.ires.ma/en/publications/general-reports/white-book-moroccan-sahara> (accessed 13 May 2024).

¹¹ Необходимо отметить, что с точки зрения марокканцев и королевской власти данное событие не является аннексией или переходом границы. С их точки зрения, они зашли в южные провинции королевства.

¹² *United Nations* (1975) Declaration of Principles on Western Sahara (Madrid Accords). Available at: <https://peace-maker.un.org/en/node/9104> (accessed 27 April 2024).

¹³ *Royal Institute for Strategic Studies* (2019) Panorama of Morocco in the World: the Kingdom's International Relations. Available at: <https://ires.ma/en/publications/general-reports/panorama-morocco-world-kingdoms-international-relations?taxo=11> (accessed 22 April 2024).

Предложенное деление по направлениям внешней политики Королевства является условным, поскольку государство одновременно является частью нескольких пространств – географических, политических, социально-экономических и культурных, которые часто пересекаются и / или накладываются друг на друга. С тем чтобы избежать повторов, отношения Марокко с Испанией рассматриваются в рамках пространства «культурной принадлежности», к которому относится Средиземноморье и где важнейшими партнерами Королевства являются Испания и Франция. При анализе внешней политики Марокко на пространстве ближайшего соседства перво-степенное внимание будет уделено двусторонним отношениям с Алжиром.

Важно отметить, что на всех направлениях внешнеполитической деятельности Марокко старается достичь главной задачи – признания своего суверенитета над Западной Сахарой.

Пространство непосредственной близости

Центральное место во внешнеполитической деятельности Марокко занимают отношения с Алжиром, поскольку в рамках региональной подсистемы Королевства можно говорить об открытом политическом противостоянии двух государств, связанном с борьбой за региональное лидерство (Кузнецов, Василенко, 2021: 644). В алжиро-марокканских отношениях существуют две проблемы: территориальные споры и противоречия по поводу статуса Западной Сахары.

В 1963 г. Марокко развязало так называемую Войну в песках против Алжира из-за спорных пограничных территорий. Это событие в истории двусторонних отношений способствовало формированию взаимного негативного восприятия. Как отмечает алжирский эксперт Я. Зубир, члены Фронта национального освобождения (ФНО)¹⁴ называли Марокко колониальным государством (*"they have become as colonialist as others have"*), поэтому их главной задачей было остановить Королевство, иначе начатая в Алжире война против Франции не имела никакого смысла (Zoubir, 2020: 187). Война 1963 г. не привела к каким-либо территориальным изменениям между Марокко и Алжиром. Впоследствии на первом саммите государств Организации африканского единства (ОАЕ), проходившем в Каире в июле 1964 г., было провозглашено, что территория государства сохраняется в тех границах, в которых оно обрело политическую независимость¹⁵. Лишь в 1972 г. Алжир и Марокко подписали соглашение о демаркации границы; обмен ратификационными грамотами состоялся в 1989 г.¹⁶

¹⁴ ФНО являлся главной военной и политической силой в Алжире, которая боролась с французскими войсками во время войны за независимость с 1954 по 1962 гг.

¹⁵ *AU Common Repository* (2014) Delimitation and Demarcation of Boundaries in Africa: General Issues and Case Studies. Available at: <https://archives.au.int/handle/123456789/5042> (accessed 25 April 2024).

¹⁶ *United Nations Treaty Collection*. (n.d.) Convention concerning the State frontier line established between the Kingdom of Morocco and the People's Democratic Republic of Algeria (with maps). Available at: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%202189/v2189.pdf> (accessed 15 May 2025).

Наиболее глубокие противоречия между двумя государствами связаны со статусом Западной Сахары. Символическое значение Зеленого марша заключалось не только в сплочении нации, укреплении национальной идентичности и легитимизации королевской власти, но и в окончательном закреплении образа Алжира как врага. Обращаясь к нации в городе Агадир перед началом марша, король Марокко Хасан II объявил, что испанцы (будь то военные или гражданские лица) не представляют угрозы для марокканцев, однако любой другой, кто с оружием попытается остановить участников марша, будет иметь дело с марокканской армией¹⁷.

Как отмечает Н. Мессари, в этой речи проводится различие между дружественным «христианским и западноевропейским» государством в лице Испании и враждебным «арабским, мусульманским и африканским» государством Алжиром (Messari, 2007: 53). Если вернуться к проблеме поиска собственной идентичности и уникальных черт, то не удивительно, что правящая элита Марокко противопоставляет Королевство похожему на него Алжиру, учитывая созвучность внешнеполитических повесток дня двух государств. Испания, культурно отличающаяся от Марокко, не является для последнего идентитарным вызовом. Между Марокко и Алжиром существует более глубокая по своему характеру проблема, а именно – статус Западной Сахары, от притязаний на земли которой королевская власть не может отказаться, поскольку в выбранной ею концепции нациестроительства эта территория занимает центральное место.

С момента обретения политической независимости внешняя политика Марокко не претерпевает существенных изменений. Хотя подходы несколько трансформируются, во внешнеполитических действиях монархии прослеживается стремление решить несколько основных задач: обеспечение безопасности государства, недопущение усиления позиций Алжира и урегулирование западно-сахарской проблемы в свою пользу.

Пространство «культурной принадлежности»

Внешнюю политику Марокко в пространстве «культурной принадлежности» можно охарактеризовать как прагматичную. Несмотря на то, что Франция и Испания долгое время осуществляли протекторат над территорией Марокко, они до сих пор являются важными экономическими и политическими партнерами Королевства. Географическое положение государства и осознание себя частью средиземноморской культуры позволяют монархии проводить довольно активную внешнюю политику на данном направлении, что приносит определенные успехи. Так, в марте 2022 г. Испания поддержала

¹⁷ *Wizarat al'awqaf wa al-shuwun al-islamia* (n.d.) Nas al-hitab as-sami al-lazi wajahaha sahib al-jalala min madina agadir 'ila al-sha'ab al-maghribiy wa 'ila al-mutatauu'iin bi tarfaya li al-itlaqi fi al-masir al-khadra'a (Speech delivered by His Majesty from the city of Agadir to the Moroccan people and volunteers in the city of Tarfaya preparing for the Green March). Available at: <https://www.habous.gov.ma/daouat-alhaq/item/4307> (accessed 27 April 2024).

Марокканскую инициативу по Западной Сахаре, подразумевающую создание автономии в составе Королевства. В феврале 2024 г. министр иностранных дел Франции С. Сежурне подтвердил, что Марокко может рассчитывать на «полную и твердую поддержку» своей инициативы со стороны представляемого им государства¹⁸. Уже в октябре 2024 г. состоялся второй (первый был совершен в 2018 г.) визит Э. Макрона в Королевство Марокко. По итогам поездки президент Франции заявил, что проблема Западной Сахары должны быть решена в соответствии с планом автономии, предложенным Мухаммедом VI в 2007 г., тем самым признав суверенитет Марокко над Западной Сахарой¹⁹. Более того, в 2023 г. товарооборот между двумя государствами достиг 14 млрд долл. США, в два раза превысив показатели 2015 г.²⁰

Активизация деятельности Марокко на континенте изначально была продиктована не трансформацией мирового порядка, в котором Глобальный Юг стал играть более значимую роль, а стремлением заручиться поддержкой африканских государств по вопросу Западной Сахары. В 1984 г., когда многие африканские государства следовали социалистическому пути развития, Марокко вышло из Организации африканского единства (ОАЭ) в знак протеста против принятия Западной Сахары в качестве государства-члена. В 2017 г. Марокко вступило в Африканский союз (создан в 2002 г. и считается «наследником» ОАЭ) и успешно проводит кампанию по признанию Западной Сахары в качестве своей территории. Часть африканских государств уже признали суверенитет Марокко над Западной Сахарой: Кот-д'Ивуар, Коморы, Габон, Сан-Томе и Принсипи, Центральноафриканская Республика, Бурунди, Эсватини, Замбия, Малави, Гвинея, Джибути, Гамбия, Либерия, Буркина-Фасо, Гвинея-Биссау, Экваториальная Гвинея, Сенегал. Кроме того, Королевство глубоко вовлечено в экономические и инвестиционные процессы на континенте.

С середины 1980-х гг. Марокко стремилось увеличить свое влияние на континенте при помощи «мягкой силы». Так, была разработана концепция «духовной безопасности»²¹, суть которой заключалась в активизации сотрудничества с африканскими государствами в религиозной сфере²². Позже,

¹⁸ Al-Awsat (2024) Barlamani Maghribi: ziyara vazir kharijiya faransa li Ribat hadafukha taudyh al-mauqif min qadiyah al-sahra'a. (Moroccan MP: French Foreign Minister's Visit to Rabat Aims to Clarify Position on the Western Sahara. Al-Awsat). Available at: <https://aawsat.com/العالم-العربي/شمال-4881446/جبرلماني-مغربي-زيارة-وزير-خارجية-فرنسا-لرابط-هدفها-توضيح-الموقف> (accessed 27 April 2024).

¹⁹ France 24 (2024) Sahara occidental: Emmanuel Macron réaffirme à Rabat le soutien à la "souveraineté marocaine". 29 October. Available at: <https://www.france24.com/fr/afrique/20241029-en-direct-afrique-maroc-emmanuel-macron-visite-mohammed-vi-discours-parlement-sahara-occidental-contrats> (accessed 10 February 2025).

²⁰ Mahamadou-Simpara (2024) French Exports to Morocco Soar to Record High. *Morocco World*, 13 April. Available at: <https://www.moroccoworldnews.com/2024/04/362021/french-exports-to-morocco-soar-to-record-high> (accessed 27 April 2024).

²¹ В арабском языке используется термин «الأمن الروحي», который дословно переводится «духовная безопасность».

²² Salim Hamimnat (2018) Tasdir 'al-amn al-ruhiy' ka aliya 'isstratijiya li da'am at-tamaddud al-maghribiy fi 'ifriqiya (Exporting "spiritual security" as a strategic mechanism to support Moroccan expansion in Africa). *MIPA*, 12 March. Available at: <https://mipa.institute/5496> (accessed 27 April 2024).

осознавая все происходящие изменения в мире, королевская власть стала углублять экономическое взаимодействие и наращивать товарооборот с государствами Африки, а также увеличивать объем инвестиций на континенте. В докладе Института изучения стран африканского континента, расположенном во Франции (*L'Institut Choiseul à Destination du Continent Africain*), указано, что за последние 15 лет Марокко вложило около 4 млрд долл. США в страны Южнее Сахары, что составляет 60% всех иностранных инвестиций Королевства²³.

Мировое пространство

На международном уровне наиболее тесные связи Марокко сложились с Соединенными Штатами. В 2020 г. Марокко подписало Соглашения Авраама, согласно которым Королевство признавало государство Израиль²⁴. Это решение привело к росту напряженности в регионе и стало одной из причин разрыва отношений между Алжиром и Марокко. Так, премьер-министр Алжира Абдельазиз Джарад заявил об опасности приближения Израиля к границам страны и назвал этот процесс «иностранной операцией по дестабилизации Алжира»²⁵. Нормализация отношений с Израилем была продиктована одной целью – добиться признания Соединенными Штатами суверенитета Марокко над Западной Сахарой²⁶.

В обращении Короля Мухаммада VI по случаю 48-й годовщины Зеленого марша акцентировалась важность Атлантического океана для Марокко. Именно этот океан является для Марокко «воротами» в Африку, а также «окном» в Америку²⁷, что находит отражение во внешней политике государства. В июле 2023 г. состоялась уже третья министерская встреча африкано-атлантических государств (*Atlantic African States Process*), после которой министр иностранных дел Марокко Н. Бурита заявил, что Атлантический океан стал для Королевства «идентичностью и возможностью, местом для рефлексии и пространством для осуществления своей деятельности» (*"an identity and an opportunity, a place for introspection and an area for projection"*)²⁸.

²³ *L'Institut Choiseul à Destination du Continent Africain* (2024) Africa 2050 Survey. Available at: <https://choiseul-africa.com/africa-2050-survey/?lang=en> (accessed 27 April 2024).

²⁴ *United Nations* (2020) Joint Declaration between the Kingdom of Morocco, the United States and the State of Israel. Available at: <https://peacemaker.un.org/en/node/9969> (accessed 16 June 2025).

²⁵ *Al-Jazeera* (2020) Rayis wizara' al-jazair: biladuna mustahdafa wa hunak 'irada 'ajnabiya liwusul 'iisrayiyl 'ila hududina (Algerian Prime Minister: Our Country is Being Targeted and There is a Foreign will to Bring Israel to our Borders). 12 December. Available at: <https://www.aljazeera.net/politics/2020/12/12/> (accessed 17 June 2025).

²⁶ *The White House* (2020) Proclamation on Recognizing The Sovereignty Of The Kingdom Of Morocco Over The Western Sahara. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/proclamation-recognizing-sovereignty-kingdom-morocco-western-sahara/> (accessed 17 June 2025).

²⁷ *Wizarat al-adl* (2023) Nas al-hitab al-malakiy as-sami bi munasaba al-zikra as-samina wa al-arbain li al-masira al-khadra' (Text of the Royal Highness's speech on the occasion of the forty-eighth anniversary of the Green March. Ministry of Justice). Available at: <https://justice.gov.ma//2023/11/06/بمناسبة-الذكر-السامي-الملكي-الخطاب-الملكي> (accessed 2 May 2024).

²⁸ *Maroc.ma* (2023) Under HM the king's Leadership, Morocco Has Made the Atlantic an Identity, an Opportunity, 12 July. Available at: <https://web.archive.org/web/20230712225229/https://www.maroc.ma/en/news/under-hm-kings-leadership-morocco-has-made-atlantic-identity-opportunity> (accessed 2 May 2024).

Заключение

Марокко активно использует фактор идентичности при осуществлении внешнеполитической деятельности и принятии внешнеполитических решений. Все действия Королевства на международной арене говорят о следующем: внешняя политика страны не только отражает особенности позиционирования государства в ней, но и демонстрирует использование фактора идентичности в качестве ее важного инструмента. Более того, в случае с Марокко можно говорить о наличии так называемого «национального стиля», то есть о существовании исторически обоснованного национального ответа государства на различные проблемы или вызовы.

Так, нахождение Марокко под протекторатом Франции усилило стремление властей и общества укрепить собственный суверенитет, а главное — защитить его. Помимо этого, существование какого-либо «вызова» всегда заставляет руководство того или иного государства принимать его во внимание и, возможно, даже предпринимать конкретные меры по ответу на этот «вызов». Говоря о Марокко, можно констатировать наличие так называемого «вызова Алжира». Роль алжирского фактора довольно велика, поскольку он оказывал и продолжает оказывать значительное влияние на внешнюю политику Королевства.

Нельзя не отметить и роль географического положения. Оно во многом предопределяет внешнеполитическую идентичность государства. Пример Марокко демонстрирует, что осознание себя частью нескольких разных культурных пространств привело к формированию прагматичной внешней политики.

При этом именно Западная Сахара является основанием в формировании и прочном установлении идентичности Марокко. Западно-сахарская проблема, во-первых, демонстрирует важность сохранения суверенитета и территориальной целостности для Королевства, а, во-вторых, показывает, что «вызов Алжира» является не чем-то вымышленным, а реальной опасностью для государства. Именно поэтому Марокко занимает непримиримую позицию касательно статуса Западной Сахары, которая является и будет являться важнейшим атрибутом конструирования собственного «Я».

Список литературы:

1. Звягельская И.Д. (ред.) (2024) *Ближний Восток: политика и идентичность*. 2-е изд., испр. и доп. М: «Аспект-Пресс», 316 с.
2. Звягельская И.Д., Богачева А.С., Давыдов А.А. et al. (2020) Политическая идентичность и ее влияние на внешнюю политику государств Ближнего Востока. *Восток* (2): 55–73. DOI: 10.31857/S086919080009039-9.
3. Кузнецов В.А. (2019) От Океана до Залива: идентичность одного региона в условиях неомодерна. *Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика* 11(2): 9–38.

4. Кузнецов В.А., Василенко А.И. (2021) Магриб – 2021: тупики внутриполитического развития и угрозы региональной подсистеме отношений. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения* 21(4): 642–654. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-642-654.
5. Наумкин В.В. (2020) Идентичность, культурные символы и международные отношения на Ближнем и Среднем Востоке. В: Звягельская И.Д. (ред.) (2020) *Ближний Восток: политика и идентичность*. М: Аспект-Пресс, с. 19–41.
6. Прохоренко И.Л. (2017) *Внешнеполитическая идентичность*. В: Семененко И.С. (ред.) (2017) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. М: Весь мир, с. 465–469.
7. Семененко И.С. (отв. ред.) (2017) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. М.: Весь мир, 992 с.
8. Семененко И.С. (отв. ред.) (2023) *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. ИМЭМО РАН. М: Весь мир, 512 с.
9. Сергеев М.С. (2001) *История Марокко. XX век*. М: Институт востоковедения РАН, 356 с.
10. Белокреницкий В.Я., Мамедова Н.М., Ульченко Н.Ю. (отв. ред.) (2019) *Социальные и политические процессы на Востоке. Культурно-сложные общества в мусульманском ареале, геополитическая и геоэкономическая динамика*. Труды Института востоковедения РАН. Вып. 26. М.: ИВ РАН, 648 с.
11. Хабриева Т.Я. (ред.) (2018) *Конституции государств Африки и Океании: сборник. Том 1. Северная и Центральная Африка*. М: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 952 с.
12. Anderson B. (1991) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.
13. Gellner E. (1987) *Culture, Identity, and Politics*. Cambridge University Press.
14. Hinnebusch R. (2019) The Politics of Identity in Middle East International Relations. In: Fawcett L. (ed.) (2019) *International Relations of the Middle East*. 5th ed. Oxford University Press. DOI: 10.1093/hepl/9780198809425.001.0001.
15. Ibn Khaldun (1980) *The Muqaddimah: An Introduction to History. Translated from the Arabic by Franz Rosenthal*. Princeton University Press.
16. Lee R.D. (2018) *Religion and politics in the Middle East: Identity, ideology, institutions, and attitudes*. Routledge.
17. Messari N. (2007) National security, the political space, and citizenship: the case of Morocco and the Western Sahara. *The Journal of North African Studies* 6(4): 47–63. DOI: 10.1080/13629380108718450.
18. Telhami S. & Barnett M.N. (eds.) (2002) *Identity and foreign policy in the Middle East*. Cornell University Press.
19. Wendt A. (1992) Anarchy is What States Make of It: the Social Construction of Power Politics. *International Organization* 46(2): 391–425. DOI: 10.1017/S0020818300027764.
20. Zoubir Y.H. (2020) The Algerian-Moroccan Rivalry. In: Mansour I., Thompson W.R. (eds.) (2020) *Shocks and rivalries in the Middle East and North Africa*. Washington, DC: Georgetown University Press, pp. 179–201.

WESTERN SAHARA: THE ESSENCE OF THE MOROCCAN FOREIGN POLICY IDENTITY

Timur M. KADYRMAMBETOV – PhD Student, Junior Research Fellow, Center for Situational Analysis, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences (IMEMO RAS).

ORCID: 0000-0002-3912-599X. E-mail: kadyrtm@imemo.ru
23 Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997

Received February 14, 2025

Accepted June 18, 2025

Acknowledgements: This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 “Global and regional centers of power in the emerging world order”

Abstract: The article is devoted to the factor of identity in the Moroccan foreign policy. It considers the main theoretical approaches to the study of identity, which were then used to analyse Morocco's foreign policy strategy. As a result, it was possible to identify three key “spaces” of the state's foreign policy: the space of proximity, including the Maghreb countries; the space of “cultural belonging,” encompassing the Arab-Muslim world, African countries (primarily the Sahara-Sahel zone) and some European countries; and the global space. The historical development of the Kingdom's territorial organization has contributed to the formation of a particularly acute perception of sovereignty and national integrity among Moroccan society and political elites. This, in turn, has led to the perception of Morocco's closest neighbor – Algeria as a key foreign policy challenge. Due to Morocco's geographical location and historical circumstances, the state's ruling elite has long pursued a pragmatic foreign policy, balancing between different international players and adapting to changing conditions. However, this pragmatism is not relevant when it comes to the Western Sahara conflict. The territory, whose status remains uncertain, plays a central role in the process of shaping Moroccan national identity. It serves as a tool for strengthening the legitimacy of the authorities and consolidating society. It is the reason why Morocco has significantly intensified its foreign policy activities in this area in recent years, making it possible to achieve significant progress in the international recognition of its sovereignty over Western Sahara.

Keywords: foreign policy identity, self-identity, nation-building, sovereignty, Morocco, Algeria, the Western Sahara, the Green March

References:

1. Anderson B. (1991) *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.

2. Belokrenitskii V.Ya., Mamedova N.M., Ul'chenko N.Yu. (eds.) (2019) *Sotsial'nye i politicheskie processy na Vostoke. Kul'turno-slozhnye obshchestva v musul'manskom areale, geopoliticheskaya i geoeconomicheskaya dinamika* [Social and Political Processes in the East. Culturally Complex Societies in the Muslim Area, Geopolitical and Geo-economic Dynamics]. Trudi Instituta Vostocovedeniya RAS. Volume 26. Moscow: IV RAN, 648 p. (In Russian).
3. Gellner E. (1987) *Culture, Identity, and Politics*. Cambridge University Press.
4. Hinnebusch R. (2019) The Politics of Identity in Middle East International Relations. In: Fawcett L. (ed.) (2019) *International Relations of the Middle East*. 5th ed. Oxford University Press. DOI: 10.1093/hepl/9780198809425.001.0001.
5. Ibn Khaldun (1980) *The Muqaddimah: An Introduction to History. Translated from the Arabic by Franz Rosenthal*. Princeton University Press.
6. Khabrieva T.Ya. (ed.) (2018) *Konstitucii gosudarstv Afriki i Okeanii: sbornik. Tom 1. Severnaya i Central'naya Afrika* [Constitutions of the States of Africa and Oceania: A Compendium. Volume 1. North and Central Africa]. Moscow: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, 952 p. (In Russian).
7. Kuznetsov V.A. (2019) Ot Okeana do Zaliva: identichnost' odnogo regiona v usloviyakh neomoderna [From the Ocean to the Gulf: One Region's Identity in the Context of Neo-modernity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika* [Lomonosov World Politics Journal] 11(2): 9–38. (In Russian).
8. Kuznetsov V.A., Vasilenko A.I. (2021) Magrib – 2021: tupiki vnutripoliticheskogo razvitiya i ugrozy regional'noj podsisteme otnoshenii [Maghreb 2021: Political Development Impasses and Threats to the Subregional System]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International Relations] 21(4): 642–654. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-642-654. (In Russian).
9. Lee R.D. (2018) *Religion and politics in the Middle East: Identity, ideology, institutions, and attitudes*. Routledge.
10. Messari N. (2007) National security, the political space, and citizenship: the case of Morocco and the Western Sahara. *The Journal of North African Studies* 6(4): 47–63. DOI: 10.1080/13629380108718450.
11. Naumkin V.V. (2020) Identichnost', kul'turnye simvoly i mezhdunarodnye otnosheniya na Blizhnem i Srednem Vostoke [Identity, Cultural Symbols and International Relations in the Middle East]. In: Zvyagelskaya I.D. (ed.) (2020) *Blizhnij Vostok: politika i identichnost'* [The Middle East. Politics and Identity]. Moscow: Aspekt-Press, pp. 19–41. (In Russian).
12. Prokhorenko I.L. (2017) Vneshnepoliticheskaya identichnost' [International Political Identity]. In: Semenenko I.S. (ed.) (2017) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Ehnciklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society and Politics. An Encyclopædia]. Moscow: Ves' Mir, pp. 465–469. (In Russian).
13. Semenenko I.S. (ed.) (2017) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Ehnciklopedicheskoe izdanie* [Identity: The Individual, Society and Politics. An Encyclopædia]. Moscow: Ves' Mir, 992 p. (In Russian).
14. Semenenko I.S. (ed.) (2023) *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Novye konturi issledovatel'skogo polya* [Identity: The Individual, Society, and Politics. New Outlines of the Research Field]. IMEMO RAS. Moscow: Ves' Mir, 512 p. (In Russian).
15. Sergeev M.S. (2001) *History of Morocco. XX century* [Istoriya Marokko. XX vek]. Moscow: Institut Vostocovedeniya RAS, 356 p. (In Russian).
16. Telhami S. & Barnett M.N. (eds.) (2002) *Identity and foreign policy in the Middle East*. Cornell University Press.
17. Wendt A. (1992) Anarchy is What States Make of It: the Social Construction of Power Politics. *International Organization* 46(2): 391–425. DOI: 10.1017/S0020818300027764.
18. Zoubir Y.H. (2020) The Algerian-Moroccan Rivalry. In: Mansour I., Thompson W.R. (eds.) (2020) *Shocks and rivalries in the Middle East and North Africa*. Washington, DC: Georgetown University Press, pp. 179–201.

19. Zvyagelskaya I.D. (ed.) (2024) *Blizhnij Vostok: politika i identichnost'* [*The Middle East. Politics and Identity*]. Moscow: Aspekt-Press, 316 p. (In Russian).
20. Zvyagelskaya I.D., Bogacheva A.S., Davydov A.A. et al. (2020) Politicheskaya identichnost' i ee vliyanie na vneshnyuyu politiku gosudarstv Blizhnego Vostoka [Political Identity and its Impact on the Foreign Policy of Middle Eastern States]. *Vostok [Oriens]* (2): 55–73. DOI: 10.31857/S086919080009039-9. (In Russian).